

— Государь, он способен выносить холод, голод, жажду, изнеможение в самых крайних пределах, доступных человеку.

— Значит, у него тело из стали?

— Да, государь.

— А сердце?

— Сердце золотое.

— Его имя?

— Михаил Строгов.

— Он готов отправиться в дорогу?

— Да. Он в караульной зале, ждет приказаний вашего величества.

ISBN серии

ISBN 978-617-12-7086-2

9 786171 270862

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7922-3

9 786171 279223

МИХАИЛ СТРОГОВ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ЖЮЛЬ ВЕРН

МИХАИЛ
СТРОГОВ

ЖЮЛЬ ВЕРН

**МИХАИЛ
СТРОГОВ**

Роман

ХАРЬКОВ **КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**
2020

УДК 821.133.1
В35

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с французского *И. В. Васюченко, Г. Р. Зингера*

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

ISBN 978-617-12-7922-3
ISBN 978-617-12-7086-2 (серия)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Бал в Кремле

- Ваше императорское величество, прибыла новая депеша.
- Откуда?
- Из Томска.
- Телеграфная линия прерывается за Томском?
- Связь прервана со вчерашнего дня.
- Прикажите слать телеграммы в Томск каждый час, генерал. И пусть меня держат в курсе.
- Да, государь, — ответил генерал Кусов.

Этот разговор происходил в два часа ночи, когда великолепный бал, который давали в Новом дворце, был в полном разгаре.

Оркестры Преображенского и Павловского полков не переставая играли свои польки, мазурки, экосезы и вальсы, причем только избранные, лучшие из лучших в их репертуаре. Танцующие пары множились, заполняя бесконечные анфилады залов этого дворца, на несколько футов превосходящего высотой старинный Теремной дворец, свидетель стольких ужасных драм старины, разбуженное эхо которых в ту ночь подпевало мелодиям кадрилей.

Впрочем, у фельдмаршала двора нашлось немало помощников, разделяющих с ним его многочисленные обязанности. Великие князья со своими адъютантами, дежурные камергеры, офицеры дворцовой охраны надзирали за порядком танцевальных фигур. Великие княгини, все в бриллиантах, и пышно разодетые придворные дамы доблестно подавали пример женам высших военных и гражданских чинов древней «белокаменной столицы». Вот почему взгляду наблюдателя представилось неопишемое зрелище, когда зазвучал

полонез и приглашенные всех рангов попарно заняли свои места в этой размеренным шагом шествующей веренице — действе, на торжествах подобного рода обретающем значение официального, державного танца. Тесное множество длинных платьев с кружевными оборками и обвешанных орденами мундиров при свете доброй сотни люстр, усиленном отражениями от неисчислимых зеркал, — это было ослепительно.

К тому же Георгиевский зал, один из красивейших в Новом дворце, служил достойным фоном для такого впечатляющего шествия высокопоставленных господ и разряженных дам. Свод этого зала, богатая золоченая лепнина которого была уже тронута патиной времени, мягко сиял сверкающими разводами позолоты. Парчовые занавеси на окнах и дверных проемах, ниспадая пышными складками, алели, играли переливами жарких оттенков. На краях тяжелой ткани они дробились и отдавали фиолетовым.

Свет, пронизывающий залы, пробивался сквозь проемы окон, увенчанные полукруглыми арками. Его приглушали слегка запотевшие стекла; при взгляде извне он походил на отблески пожара, своими резкими всполохами разрывающие ночную темень, которая уже несколько часов окутывала весь мерцающий дворец. Неудивительно, что такой контраст привлекал внимание тех гостей, кого танцы не манили. Остановившись у оконных амбразур, они вглядывались во мрак, но не могли различить ничего, кроме нескольких церковных куполов, проступающих там и сям огромными силуэтами, странными среди окружающей тьмы. Внизу, под фигурными балконами, они различали также многочисленных безмолвных часовых, которые бродили там с ружьями, горизонтально лежащими на плече, в островерхих касках, увенчанных языками пламени, — так прихотливо отражался свет, падающий сверху, из дворцовых окон. Еще они слышали шаги патрулей, отбивающие такт на каменных плитах мостовой, может быть, четче, чем ноги танцующих на са-

лонном паркете. Время от времени к ним долетал и крик часового, повторяясь от поста к посту, а порой голос трубы, не вторившей аккордам оркестра, нарушающий общую гармонию своими пронзительно ясными звуками.

Еще ниже, перед фасадом, громоздились бесформенной массой, темнея в широких конусообразных пучках света, падающего из окон Нового дворца, суда, что спускались вниз по течению реки, воды которой, пестрые от бликов мигающего света нескольких маяков, лизали основания каменных набережных.

Главное действующее лицо на этом празднестве, тот, кто, собственно, и устроил его, к кому генерал Кусов обращался, как обращаются только к монархам, был в простом мундире офицера егерского гвардейского полка. С его стороны это было не позерством, а привычкой человека, равнодушного к изысканной роскоши. Его одежда создавала контраст с великолепными костюмами, изобилующими вокруг. Он почти всегда показывался именно в таком виде, окруженный эскортом грузин, казаков, лезгин в сверкающих мундирах кавказских эскадронов.

Этот высокий мужчина со спокойным приветливым лицом, сейчас отуманенным заботой, переходил от одной группы приглашенных к другой, но говорил мало и даже, казалось, не обращал внимания ни на остроты молодых гостей, ни на более серьезные речи высокопоставленных сановников и членов дипломатического корпуса, представителей великих европейских держав. Среди этих пронзительных политиков нашлось двое или трое профессиональных физиономистов, убежденных, что заметили на лице хозяина бала признаки беспокойства, причина которого от них ускользала, однако ни один не позволил себе спросить, что его тревожит. Во всяком случае, сам офицер егерской гвардии явно не хотел, чтобы его тайные заботы хоть сколько-нибудь омрачили празднество, а коль скоро он являлся одним из тех редких монархов, которым почти

все вокруг привыкли повиноваться даже в мыслях, в веселье бала не возникло даже мимолетной заминки.

Между тем генерал Кусов ожидал, что офицер, которому он только что вручил депешу из Томска, прикажет ему удалиться. Но тот хранил молчание. Он взял телеграмму, прочел ее, и лицо потемнело еще заметнее. Его рука даже потянулась невольно к эфесу шпаги, потом к глазам, он на мгновение прикрыл их ладонью. Казалось, яркий свет тяготил его, он словно бы искал темноты, которая помогла бы без помех заглянуть в себя.

— Таким образом, — заговорил он наконец, увлекая генерала Кусова в оконную нишу, — со вчерашнего дня у нас нет сообщения с великим князем, моим братом?

— Связь потеряна, государь, и есть основания опасаться, что скоро телеграммы из Сибири больше не смогут приходить.

— Однако войска Амурского, Якутского, а также и Забайкальского округов получили приказ немедленно двинуться к Иркутску?

— Этот приказ содержался в той последней телеграмме, которую нам удалось отослать за Байкал.

— После вторжения у нас все еще сохраняется связь с Енисейской, Омской, Семипалатинской и Тобольской губерниями?

— Да, государь, наши депешы туда доходят, и доподлинно известно, что в настоящее время кочевники бухарцы еще не перешли за Иртыш и за Обь.

— А об Иване Огарове, этом изменнике, никаких вестей?

— Никаких, — ответил генерал Кусов. — Начальник полиции не берется утверждать с уверенностью, перешел он границу или нет.

— Пусть его приметы немедленно разошлют в Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Касимов, Тюмень, Ишим, Омск, Колывань, Томск и во все телеграфные пункты, сообщение с которыми еще не прервано!

— Приказания вашего величества будут исполнены незамедлительно, — ответил генерал Кусов.

— Но все это должно оставаться тайной!

С тем генерал, выразив собеседнику почтительную преданность, откланялся, смешался с толпой и вскоре покинул салон, стараясь, чтобы его уход никем не был замечен. Офицер же, с минуту постояв в задумчивости, вновь очутился в окружении военных и политиков, которые, образуя всевозможные группы, толпились в салонах. На лице его снова появилось безмятежное выражение, утраченное так ненадолго.

Впрочем, обстоятельства, которых касался недавний тополистый обмен репликами, не являлись таким секретом, как были склонны полагать офицер егерской гвардии и генерал Кусов. Правда, открыто, в официальной обстановке, о них не говорили — такая словоохотливость «наверху» не поощрялась, — однако кое-кто из высокопоставленных персон был более или менее точно информирован о событиях на границах. Однако, как бы то ни было, об этих предметах, известных им, возможно, лишь приблизительно и не обсуждаемых даже среди членов дипломатического корпуса, беседовали, понизив голос, два человека, чье особое положение на этом приеме в Большом Кремлевском дворце не подчеркивалось ни мундирами, ни орденами. И похоже, они-то располагали довольно точными сведениями.

Как, каким путем, благодаря какой житейской ловкости эти двое простых смертных могли проведать то, о чем столько других лиц, включая самых важных персон, разве что догадывались? Загадка! Уж не одарены ли они пророческим даром или мистической способностью ясновидения? Не обладают ли эти люди особым чутьем, позволяющим рассмотреть то, что совершается за пределами, коими ограничено обычное человеческое восприятие? Или настолько обостренным нюхом, что мгновенно нападают на след самых

секретных новостей? Чего доброго, благодаря такой привычке, ставшей второй натурой, эти двое регулярно подпитываются самой свежей информацией, потому-то все их существо трансформировалось, обретя столь неслыханные свойства? Заманчиво допустить, что такое возможно!

То были двое мужчин, один англичанин, другой француз, оба сухошавые, рослые, но один черноволос, как свойственно южанам, обитателям Прованса, другой рыж — сразу видно, джентльмен из Ланкастера. Этот последний, классический англо-нормандский тип, чопорный, холодный флегматик, скупой на слова, сдержанный в движениях, казалось, мог сделать жест или проронить фразу лишь тогда, когда в нем слабела некая пружина, действующая с механической регулярностью. Его партнер, тип галло-романский, напротив, живой, стремительный, высказывал свои мысли не только словами: в его речах, помимо уст, участвовали глаза и руки. Он выражал себя множеством различных способов, тогда как его визави располагал лишь одним, впечатанным в его мозг и отныне неизменным.

Столь очевидное несходство легко заметил бы даже самый поверхностный наблюдатель, но истинный физиономист, присмотревшись к этой парочке иностранцев поближе, не пропустил бы и более глубокий, можно сказать, физиологический контраст. Он мог бы сказать, что там, где француз «смотрит во все глаза», англичанин «обращается в слух».

И в самом деле, оптический прибор первого был чрезвычайно изощрен в процессе использования. Чувствительность его роговицы, по-видимому, не уступала мгновенной реакции тех ловкачей, что узнают карту, едва мелькнувшую перед их глазами при снятии колоды, или примечают крап, для всех прочих невидимый. Короче, этот француз был в высочайшей степени одарен тем, что называют «зрительной памятью».

Англичанина же, по всей видимости, отличала особенная тяга к тому, чтобы слышать и понимать. Стоило звуку

чьего-либо голоса коснуться его барабанной перепонки, и он запоминал его на веки вечные, мог узнать из тысячи, хоть десять лет пройдет, хоть все двадцать. Разумеется, его уши были лишены возможности двигаться, как у животных, чьи ушные раковины приспособлены для прослушивания обширных пространств. Но поскольку ученые отмечают, что человеческие уши не совсем, а только «почти» неподвижны, мы вправе утверждать, что вышеназванный англичанин умел их и торчком ставить, и прижимать, и поворачивать в разные стороны в своем стремлении улавливать звуки, действуя способом, хоть самую малость, но доступным наблюдению натуралиста.

Здесь уместно добавить, что подобная безукоризненность зрения и слуха служила этим двоим бесценным подспорьем в их профессиональной деятельности, поскольку англичанин служил корреспондентом «Дейли телеграф», а француз... Впрочем, он предпочитал умалчивать о том, с какой газетой или газетами сотрудничает. Когда его об этом спрашивали, он отделялся шуткой, что-де является корреспондентом своей кухни Мадлен. По существу этот француз при всем своем бросающемся в глаза легкомыслии был в высшей степени проницательным человеком и большим хитрецом. Все время болтая о чем придется, порой немного глуповато, невпопад, он тем не менее никогда не выбалтывал лишнего, да, может, затем и тархтел, чтобы надежнее скрыть свое стремление выведать побольше. Сама его словоохотливость служила своеобразной формой молчания, так что он, чего доброго, был еще более замкнутым, чем его собрат из «Дейли телеграф».

И если они оба присутствовали в Кремлевском дворце на балу в ночь с 15 на 16-го июля, то именно в качестве журналистов, призванных расширить кругозор своих читателей посредством описания сего торжества.

Само собой разумеется, что обоих весьма воодушевляла их миссия. Этот мир был им по вкусу, им нравилось

с хищным проворством хорьков устремляться по следу самых невероятных новостей, ничто не могло ни утратить их, ни обескуражить, они обладали несокрушимым хладнокровием и подлинной отвагой профессионалов. Истинные жокеи в этой гонке с препятствиями, неутомимые охотники за информацией, они перемахивали через изгороди, переплывали реки, перепрыгивали через скамейки на стадионе либо в театре с бесподобным азартом чистокровных скакунов, которые жаждут прийти к финишу первыми или умереть!

К тому же их газеты не скупилась при оплате — это по сей день вернейший залог быстрого получения самой надежной и проверенной информации. Следует еще прибавить к чести этих двоих, что ни тот, ни другой сроду не подглядывали и не подслушивали секретов личной жизни. Свои способности они пускали в ход лишь тогда, когда на карту были поставлены политические или социальные интересы. Короче, они занимались тем, что с некоторых пор зовется «развернутым репортажем на политическую или военную тему».

Однако, познакомившись с ними ближе, мы убедимся, что оба имели свою, по большей части весьма оригинальную манеру — оценивать события и особенно их последствия. Каждый из них демонстрировал «собственный взгляд на вещи». Но в конечном счете, коль скоро они не руководствовались принципом «за что платят, то и благо» и ни в коем случае себя не щадили, осуждать их за это было бы дурным тоном.

Французского журналиста звали Альсид Жоливе, английского — Гарри Блаунт. Они впервые встретились только что, на этом празднестве в Новом дворце, которое обоим поручили описать для их газет. Несходство характеров да вдобавок профессиональное соперничество отнюдь не должны были способствовать их взаимной симпатии. И все же они не избегали общения, скорее даже стремились взаимно прощупать друг друга на предмет последних новостей. Помимо всего прочего, это были охотники, промышляющие на од-

ной территории, пользуясь одними и теми же средствами. То, чего не хватало одному, мог удачно раздобыть другой, так что даже их интересы требовали, чтобы они ладили между собой и не упускали друг друга из виду.

Итак, в тот вечер оба были начеку: в воздухе носилось что-то настораживающее.

«Будь это лишь стая уток, стрельнуть все-таки стоит!» — сказал себе Альсид Жоливе.

Таковы были причины, внушившие двум журналистам намерение потолковать между собой во время бала, и они, двигаясь к цели отчасти на ощупь, приблизились друг к другу вскоре после того, как генерал Кусов удалился.

— Какой очаровательный маленький праздник, не правда ли, сударь? — с любезной улыбкой заметил Альсид Жоливе, полагая, что уместно начать беседу с этой в высшей степени французской фразы.

— Я уже телеграфировал, что он блистателен! — холодно ответил Гарри Блаунт, используя это слово, существующее специально для того, чтобы выражать восхищение гражданина Соединенного Королевства.

— Тем не менее, — продолжал Альсид Жоливе, — я был вынужден заметить моей кухне...

— Вашей кухне? — удивленно пробормотал Гарри Блаунт, перебивая своего коллегу.

— Да, — усмехнулся Альсид Жоливе, — моей кухне Мадлен. Это с ней я обмениваюсь корреспонденцией! Она так любит быстро получать доброкачественную информацию, моя кухня!.. Вот я и счел себя обязанным сообщить ей, что во время этого торжества некое облако, казалось, омрачало чело монарха.

— Ну, а по-моему, его чело сияет, — возразил Гарри Блаунт, желая, по-видимому, скрыть свои соображения на этот счет.

— И вы, разумеется, заставите его «сиять» на страницах «Дейли телеграфа».

— Несомненно.

— А помните, господин Блаунт, что случилось в 1812 году в поместье Закрет?

— Помню, сударь, поскольку я там был, — ответил английский репортер.

— В таком случае, — продолжал Альсид Жоливе, — вы не забыли, как в разгаре торжества, устроенного в его честь, императору Александру сообщили, что Наполеон с французским авангардом форсировал Неман. Однако император не ушел с праздника и, несмотря на крайнюю серьезность известия, которое могло стоить ему империи, ничем не выдал своей обеспокоенности...

— Так же только что поступил наш радушный хозяин, когда генерал Кусов доложил ему, что оборвана телеграфная связь на границе с Иркутской губернией.

— Ах, значит, вам известна такая подробность?

— Да, я осведомлен.

— Что до меня, мне ли об этом не знать! Ко мне последняя депеша дошла только из Нижнеудинска, — сказал Альсид Жоливе таким тоном, будто это обстоятельство вызывало у него чувство странного удовлетворения.

— А мои добираются только до Красноярска, — откликнулся Гарри Блаунт с тем же выражением.

— Выходит, вы знаете и о том, что в Николаевск посланы приказы войскам?

— Да, сударь, как и то, что казачьим частям в Тобольской губернии отправлено по телеграфу распоряжение сосредоточиться.

— Совершенно верно, господин Блаунт, я также осведомлен об этих мерах. И можете не сомневаться: моя любезная кухня завтра же узнает на сей счет кое-что любопытное!

— Могу сказать то же о читателях «Дейли телеграф», господин Жоливе.

— То-то же! Как посмотришь, что происходит вокруг...

— И как послушаешь, что говорят...

— Интересная кампания предстоит, господин Блаунт!

— Не премину последить за ней, господин Жоливе.

— В таком случае нам еще, может быть, предстоит столкнуться на почве куда менее надежной, чем паркет этого салона.

— Менее надежной — да, но...

— Но и менее скользкой! — откликнулся Альсид Жоливе, подхватывая своего коллегу в момент, когда тот сделал было шаг в сторону, но потерял равновесие.

На том журналисты и расстались, в общем довольные, поскольку каждый выяснил, что другой его не обскакал. В этой игре они действительно пока оставались на равных.

В этот момент двери, ведущие в большой салон, распахнулись и открыли взглядам несколько широких, дивно сервированных столов, в изобилии уставленных посудой из золота и дорогого фарфора. На столе, установленном в центре зала и предназначенном для членов царской семьи и дипломатического корпуса, красовался невообразимо драгоценный дорман — центральное блюдо великолепного сервиза на сотни кувертов, изготовленного на лондонской фабрике. Сей шедевр ювелирного искусства весь блистал и искрился в свете люстр — мануфактуры Севра никогда еще не выпускали ничего, равного ему.

Теперь гости Нового дворца начали стекаться в пиршественные залы.

А генерал Кусов, только что вновь появившийся здесь, тем временем торопливо подошел к офицеру егерской гвардии.

— Ну что? — с живостью, как и в прошлый раз, обернулся к нему последний.

— Депеши достигают Томска, государь. Далее связь обрывается.

— Курьера ко мне! Немедленно!

Покинув большой салон, офицер направился в соседние, угловые покои дворца. Там находился рабочий кабинет,

очень скромно обставленный мебелью из мореного дуба. На стенах висели картины, в том числе несколько полотен Ораса Верне.

Резким движением, будто ему не хватало воздуха, офицер распахнул окно, потом вышел на широкий балкон подышать свежим воздухом прекрасной июльской ночи.

Перед его взором, омытая потоком лунного сияния, круглилась мощная крепостная стена, окружая два собора, три дворца и арсенал. Крепость обступали три огромных квартала, каждый из которых можно было бы считать отдельным городом, да они так и назывались: Белый город, Красный город и Китай-город. Эти были европейский, татарский и китайский кварталы, над которыми высились башни, колокольни, минареты, три сотни церквей с зелеными куполами, увенчанными серебряным крестом. На поверхности неширокой извилистой реки тут и там сверкали блики — отражение лучей луны. Все это вместе взятое складывалось в живописную мозаику разнообразно окрашенных домов — гигантскую, в десять лье шириной.

Это была река Москва, называемая, как и сам город, крепость звалась Кремлем, а офицер в мундире егерской гвардии, который, скрестив руки на груди и задумчиво хмурясь, рассеянно внимал шуму, разносившемуся над центром старого города из Нового дворца, был не кто иной, как царь.

ГЛАВА II

Нашествие

Если царь так внезапно покинул залы Нового дворца в момент, когда празднество, которое он давал высшим гражданским и военным чинам и самым важным сановникам Москвы, было в самом разгаре, причиной тому были весьма тревожные события, происходящие в это время за Уральской грядой. Сомнений больше не было: свирепое нашествие грозило упразднить русскую автономию на территории сибирских губерний.

Азиатская часть России, она же Сибирь, занимает пространство в пятьсот шестьдесят тысяч лье и насчитывает около двух миллионов жителей. Она простирается от Уральских гор, отделяющих ее от русской части Европы, до побережья Тихого океана. С юга она граничит с Туркестаном и Китайской империей, но это не слишком четкая граница. На севере Сибирь омывается Ледовитым океаном от Карского моря до Берингова пролива. Она делится на губернии и округа: Тобольскую, Енисейскую губернию, Сибирскую губернию с центром в Иркутске и отдельным якутским округом, Степной край с центром в Омске, Якутский, — имеет крупные порты Охотский и Камчатский и недавно подчиненные московским властям земли в Киргизии и на Чукотке.

Этот гигантский степной край на географической карте простирается на сто десять градусов вширь, он служит местом изгнания тех, кого обрекают на ссылку царские указы, и сюда же депортируют преступников.

Наместниками верховной власти царя в этом обширном крае являются два главных губернатора. Резиденция одного находится в Иркутске, другого — в Тобольске: первый из

названных городов — столица Восточной Сибири, второй — Западной. Эти две Сибири разделяет приток Енисея — река Чуна.

Ни одна железная дорога еще не бороздит эти бескрайние равнины, среди которых попадаются в высшей степени плодородные участки. И бесценные копи, благодаря которым сибирская земля в глубине еще богаче, чем на поверхности, не обслуживаются никаким рельсовым путем. Здесь путешествуют в тарантасе или в телеге летом, а зимой — на санях.

Единственная связь между пределами Восточной и Западной Сибири — электрическая — это провод длиной восемь тысяч верст (8,536 километров: верста составляет 1,067 километров). За Уральским хребтом эта линия проходит через Екатеринбург, Касимов, Тюмень, Ишим, Омск, Кольвань, Томск, Красноярск, Нижний Удинск, Иркутск, Нерчинск, Албазин, Благовещенск, Орловское, Александровское, Николаевск. За одно слово, пересылаемое по телеграфу в самый отдаленный пункт его досягаемости, платят шесть рублей девятнадцать копеек, что составляет около 27 франков: рубль (серебряный) стоит 3 франка 75 сантимов, а копейка (медная) — 4 сантима. От Иркутска, как предполагается, протянется боковая линия до Кяхты, расположенной на границе с монгольскими землями, а оттуда можно будет за две недели по цене 30 копеек за слово посылать депеши в Пекин.

И этот самый провод, связывающий Екатеринбург с Николаевском, был перерезан, сначала перед Томском, а спустя несколько часов — между Томском и Кольванью. Вот почему царь ответил на сообщение, вторично переданное ему генералом Кусовым, лишь только этими четырьмя словами: «Курьера ко мне! Немедленно!»

Несколько минут царь простоял неподвижно у окна своего кабинета. Но вот секретари снова распахнули двери и на пороге возник обер-полицмейстер.

— Входи, генерал, — произнес царь отрывисто, — и расскажи мне все, что тебе известно об Иване Огарове.

— Это крайне опасный человек, государь, — ответил обер-полицмейстер.

— Он в чине полковника?

— Да, ваше величество.

— Толковый офицер?

— Чрезвычайно умный, но с неукротимым нравом. В своем безумном честолюбии он не останавливается ни перед чем. Дослужившись до полковника, очертя голову ввязался в тайный заговор, был разжалован его высочеством великим князем и сослан в Сибирь.

— Когда?

— Два года тому назад. После полугодового изгнания помилован вашим величеством и возвращен из Сибири.

— Но разве он туда не вернулся?

— Да, государь, вернулся, на сей раз добровольно, — докладывал обер-полицмейстер. И добавил, слегка понизив голос: — Были же времена, государь, когда, попав в Сибирь, оттуда не возвращались!

— Пока я жив, Сибирь будет местом, откуда можно вернуться!

Царь имел право произнести эти слова с подлинной гордостью, ибо благодаря своему великодушию не раз доказывал, что русское правосудие умеет прощать.

Обер-полицмейстер промолчал, но было очевидно, что он не сторонник таких полумер. По его мнению, если уж человек, кем бы он ни был, однажды перешел Уральский хребет в сопровождении жандармов, ему больше никогда не следует переходить через него назад. А коль скоро при новом царствовании все стало по-другому, обер-полицмейстер от всей души об этом сожалел! Как можно? Больше не приговаривать к пожизненным срокам ни за какие преступления, кроме тех, что относятся к ведению обычного права! Допускать, чтобы политические ссыльные возвращались из Тобольска, Якутска, Иркутска?! Сказать по правде, обер-полицмейстер, привыкший к суровости самодержавных

указов, встарь не предполагавших никаких послаблений, не мог смириться с новой манерой правления! Но он помалкивал, полагая, что царь снова начнет расспрашивать его.

Вопросы и вправду не заставили себя ждать.

— Перед своим возвращением из Сибири Иван Огаров объехал несколько сибирских губерний, не так ли? — спросил царь. — Истинная цель этого вояжа остается неизвестной?

— Но, так или иначе, он вернулся.

— И с этого момента полиция потеряла его след?

— Увы, государь. Ведь приговоренный только тогда и становится по-настоящему опасным, когда его помилуют.

Царь нахмурился. Пожалуй, обер-полицмейстер мог опасаться, что зашел слишком далеко, хотя его упрямство в приверженности своим идеям по меньшей мере не уступало безграничной преданности монарху. Но царь, пренебрегая такими косвенными упреками в адрес своей внутренней политики, продолжал задавать один за другим лаконичные вопросы:

— Где Иван Огаров появлялся в последнее время?

— В Пермской губернии.

— В каком городе?

— В самой Перми.

— Что он там делал?

— По видимости, бездельничал. В его поведении не замечено ничего подозрительного.

— Он не находился под особым полицейским надзором?

— Нет, государь.

— Когда он уехал из Перми?

— В начале марта.

— И куда направился?

— Неизвестно.

— Значит, о том, что с ним происходит, с тех самых пор нет никаких сведений?

— Никто этого не знает, увы.

— Увы, это я знаю! — отвечал царь. — Есть анонимные осведомители, чьи донесения доставляются мне, не проходя

через полицейское ведомство. А если к тому же принять во внимание события, ныне происходящие за Уралом, есть все причины полагать, что эти донесения точны!

— Вы хотите сказать, государь, что Иван Огаров приложил руку к подготовке набега азиатов?

— Да, генерал, я сообщу тебе то, чего ты не знаешь. Покинув Пермскую губернию, Иван Огаров перешел через Уральский хребет. Он устремился в Сибирь, в киргизские степи, и там попытался, притом не без успеха, взбунтовать местные кочевые племена. Затем он направился на юг, достигнув независимого Туркестана. Там, в Бухарском, Кокандском и Кундузском ханствах, он нашел вождей, готовых двинуть свои орды на сибирские земли. Его цель — спровоцировать захват азиатами владений российской империи за Уралом. Движение, подстрекаемое им, готовилось тайно, теперь же оно обрушилось на нас, как удар молнии. Сообщение между Западной и Восточной Сибирью прервано! К тому же Иван Огаров, побуждаемый жаждой мести, намерен покуситься на жизнь моего брата!

При этих словах царь взволновался, быстрыми шагами заходил по комнате. Обер-полицмейстер ничего не ответил, однако про себя подумал, что во времена правления тех российских императоров, которые никогда не миловали ссыльных, Иван Огаров не смог бы осуществить подобный план.

Мгновения текли, а они все хранили молчание. Затем, когда царь рухнул в кресло, обер-полицмейстер приблизился к нему и спросил:

— Ваше величество, приказы как можно скорее отразить это нашествие, разумеется, уже отданы?

— Да, — отвечал царь. — Последняя депеша, посланная в Нижнеудинск, должна привести в движение войска Енисейской, Иркутской, Якутской губерний, Амурского и Байкальского округов. В то же время полки Перми и Нижнего Новгорода и пограничные казачьи части форсированным маршем двигаются к Уральским горам. Но, к несчастью,

пройдет несколько недель, прежде чем они окажутся лицом к лицу с колоннами азиатов!

— И его высочество великий князь, брат вашего величества, находясь в Иркутской губернии, больше не имеет прямой связи с Москвой?

— Да.

— Но он должен знать из последних депеш, какие меры принимает ваше величество, он предупрежден, что следует ждать подкрепления из ближайшей губернии, из Иркутска?

— Это ему известно, — вздохнул царь, — но он не знает, что Иван Огаров одновременно с ролью бунтовщика вздумал сыграть роль предателя, и этот предатель — его жестокий личный враг. Ведь именно великому князю Огаров обязан тем, что впервые попал в немилость. И что хуже всего, мой брат не знает его в лицо. Так вот: план Ивана Огарова состоит в том, чтобы, пробравшись в Иркутск под чужим именем, предложить великому князю свои услуги. Он вотрется к нему в доверие, азиаты тем временем осадят Иркутск, и тогда Огаров сдаст им город вместе с моим братом. Следовательно, его жизнь под прямой угрозой. Вот о чем я узнал из донесений, вот чего не знает великий князь. Надо, чтобы он это узнал!

— Что ж, государь, здесь нужен курьер. Сметливый, отважный...

— Я жду его.

— И пусть он поспешит, — прибавил обер-полицмейстер, — ибо, государь, позвольте заметить, что земля сибирская более любой другой подвержена опасности мятежа!

— Не хочешь ли ты сказать, генерал, что изгнанники способны примкнуть к завоевателям? — вскричал царь, выведенный из себя подобным наветом со стороны обер-полицмейстера.

— Пусть ваше величество меня извинит! — пролепетал тот. Весьма вероятно, что именно эта мысль точила его беспокойный, подозрительный ум.

— Я верю, что у изгнанников больше патриотизма! — заявил царь.

— В Сибири есть и другие приговоренные, не только политические, — напомнил обер-полицмейстер.

— Уголовные преступники? О генерал, этих я предоставляю тебе! Это отбросы человечества. Они не принадлежат ни одной стране. Но восстание, вернее нашествие, направлено не против императора, а против России, против той отчизны, которую изгнанники еще надеются увидеть снова... и они увидят ее!.. Нет, русский никогда не объединится с азиатом, чтобы ослабить мощь Москвы хотя бы на один час!

Царь имел основания верить в патриотизм тех, кого он из политических соображений держал во временной ссылке. Милосердие, составлявшее основу его правосудия всюду, где он имел возможность самолично его творить, и существенные послабления, которые он ввел в практику исполнения указов, некогда столь ужасающую, сами по себе служили гарантией того, что он не ошибается. Но даже без такого существенного подспорья, каким стало бы для захватчиков содействие ссыльных, угроза оставалась весьма серьезной, так как можно было опасаться, что к нападающим примкнет большая часть киргизского населения.

Оно разделялось на три орды — большую, малую и среднюю — и насчитывало четыреста тысяч «шатров», то есть около двух миллионов душ. Туда входили различные племена: одни считались независимыми, другие признавали над собой власть — кто России, кто Хивинского, Кокандского или Бухарского ханства, иначе говоря, самых свирепых из правителей Туркестана. Средняя, самая богатая, орда была вместе с тем и самой терпимой, ее стоянки занимали все пространство между Сары-Су, Иртышом и верхним течением Ишима, озерами Якши-Янгис и Аксакалбарби. Большая орда занимала область, расположенную к востоку от той, где хозяйничала средняя, и простиралась до пределов Омской и Тобольской губерний. Так что в случае, если поднимутся

киргизы, это и было бы захватом азиатской России, что чревато незамедлительным отделением Сибири, по крайней мере, ее территорий к востоку от Енисея.

Сказать по правде, эти киргизы — новички в военном деле: им привычнее ночные грабежи да нападения на караваны, чем солдатская служба. Недаром господин Левчин говорит, что «сомкнутым строем или каре из обученной пехоты можно противостоять десятикратно превосходящей массе киргизов, а одной пушки хватит, чтобы разметать их неисчислимое множество».

Оно бы и так, да надо ведь еще, чтобы это самое каре обученной пехоты вовремя поспело в мятежный край и чтобы орудия покинули артиллерийские парки русских губерний, до которых две-три тысячи верст... К тому же, помимо прямого тракта, соединяющего Екатеринбург и Иркутск, надо двигаться степями, нередко заболоченными. Дороги там трудно проходимы, уж наверняка не одну неделю пришлось бы ждать, пока русские войска смогут оттеснить азиатские орды.

Омск — организационный военный центр Западной Сибири, призванный удерживать киргизское население на почтительном расстоянии. Там проходит граница обитания этих кочевников, покоренных лишь отчасти, и эта граница не раз нарушалась. В военном министерстве полагали, и весьма резонно, что ныне Омск находится под большой угрозой. Рубежи военных поселений, то есть казачьи посты, расставленные от Омска до Семипалатинска, наверняка уже подвергались атакам то здесь, то там. Можно было опасаться, что «властительные ханы», управители киргизских уездов, добровольно или под давлением примут сторону восставших, таких же мусульман, как они, и к ненависти, рожденной порабощением, прибавится давняя рознь между греческой и магометанской религией.

Ведь и впрямь властители Туркестана, особенно Бухарского, Кокандского и Кундузского ханств, давно стремились силой или убеждением освободить киргизские орды от московского гнета.

Тут следует сказать несколько слов об этих самых азиатах.

В основном они принадлежат к двум различным расам — кавказской и татаро-монгольской. Первая, по определению Абея де Ремюза, «отвечает европейским представлениям о человеческой красоте, поскольку все народности той части земного шара имеют единое происхождение», в обиходе всех азиатов этой расы называют турками, а корни у них персидские.

Чисто монгольским типом внешности отличаются собственно монголы, а также маньчжуры и тибетцы.

Азиаты, в ту пору представлявшие угрозу для российской империи, принадлежали к кавказской расе, обитали же преимущественно в пределах Туркестана. Это обширная страна, разделенная на несколько государств, управляемых ханами (отсюда и название «ханства»). Наиболее значительные из ханств — Бухарское, Хивинское, Кокандское, Кундузское, но есть и другие, помельче.

В эпоху, о которой идет речь, самым грозным и влиятельным из них было Бухарское ханство. У России уже несколько раз случались столкновения с его правителями, которые, исходя из личных интересов и желая заманить киргизов под свое ярмо, поддерживали их стремление избавиться от гнета Москвы. Нынешний правитель Феофар-хан в этом отношении следовал по стопам предшественников.

Бухарское ханство расположено между тридцать седьмой и сорок первой параллелью, а если считать с востока на запад — между шестьдесят первым и шестьдесят седьмым градусом долготы, таким образом, его площадь — около десяти тысяч квадратных лье.

На этих землях обитает два миллиона пятьсот тысяч жителей, имеется шестидесятитысячная армия, которая в военное время увеличивается втрое, и тридцатитысячная кавалерия. Недра той страны богаты, она славится разнообразием продуктов растительного и животного происхождения, к тому же ее территория увеличилась благодаря присоединению земель Балха, Андхоя и Меймане. В ее пределах девятнадцать

больших городов. Столица, Бухара, опоясана стеной, у которой более восьми тысяч углов и по бокам башни. Этот город знаменит, прославлен Авиценной и другими учеными X века, он считается научным центром мусульманского мира и входит в десятку самых почитаемых городов Средней Азии. Самарканд защищен чрезвычайно мощной цитаделью, в этом городе находятся гробница Тамерлана и знаменитый дворец, где хранится тот голубой камень, к которому должен приходиться каждый новый хан, чтобы сесть на него, знаменуя этим свое восшествие на трон. Карши со своей тройной линией укреплений построен в оазисе среди болота, кишашего ящерицами и черепахами, этот город почитай что неприступен. Чарджоу может выставить на свою защиту около двадцати тысяч человек. Наконец, Ката-Курган, Нурата, Джизах, Пайкенд, Каракул и прочие составляют крепкий ансамбль городов, который трудно уничтожить. Это Бухарское ханство, защищаемое своими горами, отделенное от прочего мира степями, поистине грозный противник, и России придется противопоставить его натиску весьма значительные силы.

В этой части Азии тогда все решал честолюбивый и свирепый Феофар. Поддерживаемый другими ханами, особенно Кокандским и Кундузским, тиранами воинственными, жестокими и большими любителями грабежа, весьма расположенными потешить свои варварские инстинкты участием в этом предприятии, он заручился также помощью племенных вождей центральной Азии и сам встал во главе нашествия, душой которого был Иван Огаров. Побуждаемый своим неистовым честолюбием и мстительной злобой, этот изменник взял на себя задачу — придать наступлению вполне осмысленный вид и, в частности, перекрыть главный сибирский тракт. Сказать по правде, он был настоящим безумцем, если верил, что в самом деле сможет отхватить кусок владений Москвы! И вот эмир (такой титул присвоили себе бухарские ханы), подстрекаемый таким человеком, двинул свои орды в пределы Российской империи. Они наводнили

Семипалатинскую губернию — казакам, оборонявшим ее малым числом, пришлось отступить. Двигаясь дальше, захватчики миновали озеро Балхаш, по пути увлекая за собой местное киргизское население. Грабя, опустошая жилища, вербуя в свои ряды тех, кто покорялся им, и увозя как пленников тех, кто сопротивлялся, азиатское воинство двигалось от селения к селению, сопровождаемое громоздким обозом восточного властителя, который можно назвать передвижным домом: хан вез с собой своих жен и рабов — бесстыдная дерзость современного Чингисхана.

Где-то он находится в настоящий момент? Куда успели дойти его воины в час, когда весть о вторжении достигла Москвы? А русские войска, в какой из уголков Сибири их завело отступление? Ни малейшей возможности выяснить это. Сообщение прервано. Перерезан ли провод между Томском и Кольванью кем-то из вражеских разведчиков, или эмир добрался до окрестностей Енисейска? Может быть, вся южная часть Западной Сибири уже в огне? Или вспыхнувший мятеж перекинулся и в восточную часть? На эти вопросы никто не мог ответить. Электрический ток — единственный посланец, которому нипочем ни суровая зима, ни жаркое лето, ни стужи не боящийся, ни зноя, несущийся к цели неудержимо, как молния, — больше не мог распространяться по сибирской степи, и невозможно было предупредить великого князя, запертого в Иркутске, об опасности, которой грозило ему предательство Ивана Огарова.

Теперь заменить телеграф мог только курьер. Этому человеку потребуется некоторое время, чтобы одолеть пять тысяч двести верст, отделяющие Москву от Иркутска. А чтобы прорваться сквозь ряды бунтовщиков и захватчиков, ему еще придется проявить отвагу и ум, можно сказать, сверхчеловеческие. Но у кого есть голова и сердце, тот многое может!

«Найду ли я такую голову и такое сердце?» — спрашивал себя царь.

ГЛАВА III

Михаил Строгов

Дверь императорского кабинета вскоре открылась, секретарь доложил о прибытии генерала Кусова. Едва увидев его, царь с живостью спросил:

— А курьер?

— Он здесь, государь, — отвечал генерал.

— Ты нашел такого, какой нам нужен?

— Осмелюсь сказать вашему величеству, что я за него отвечаю.

— Он нес службу при дворе?

— Да, государь.

— Ты его знаешь?

— Мы лично знакомы, он не раз успешно выполнял труднейшие поручения.

— За границей?

— Именно в Сибири.

— А сам он откуда?

— Из Омска. Сибиряк.

— У него достаточно хладнокровия, ума, храбрости?

— Да, государь, у него есть все, что нужно, чтобы преуспеть там, где другие, вероятно, потерпели бы неудачу.

— Сколько ему лет?

— Тридцать.

— Это крепкий мужчина?

— Государь, он способен выносить холод, голод, жажду, изнеможение в самых крайних пределах, доступных человеку.

— Значит, у него тело из стали?

— Да, государь.

— А сердце?

— Сердце золотое.

— Его имя?

— Михаил Строгов.

— Он готов отправиться в дорогу?

— Да. Он в караульной зале, ждет приказаний вашего величества.

— Позовите его, — сказал царь.

Не прошло и минуты, как фельдъегерь Михаил Строгов вошел в кабинет императора.

Михаил Строгов был высок ростом, мускулист, широкоплеч, с мощной грудью. Его волевое лицо могло служить воплощением лучших черт центральнойвропейской расы.

Все мышцы его тела, хорошо вылепленные, пружинистые, как нельзя более подходили для силовых упражнений. Этого пригожего, уверенного и статного малого, крепко стоящего на ногах, не легко было бы сдвинуть с места помимо его воли: казалось, подошвы обеих его ног срослись с почвой, будто корни пустили. Его крупную, почти квадратную широколобую голову венчала густейшая кудрявая шевелюра; когда он надевал излюбленный русскими головной убор — папаху, — пряди волос кольцами выбивались из-под нее. Обычно бледное лицо его менялось только при учащенном сердцебиении: тогда кровь, быстрее бегущая по жилам, прилиwała к щекам. Взор его синих глаз был прям, чисто-сердечен и невозмутим, они ясно блестели под крутыми дугами слегка нахмуренных бровей, рисунок которых говорил о высокой отваге, той, которую физиолог назвал бы «безгневной отвагой героев». У него был крепкий нос с широкими ноздрями и правильно очерченный рот, только губы чуть выдавались, что свойственно натурам добросердечным и великодушным.

По своей природе Михаил Строгов был человеком энергичным, из тех, кто быстро принимает решения, не грызет ногти, мучаясь колебаниями, не чешет затылок, предаваясь сомнению, и вообще на месте топтаться не склонен.

Сдержанный в речах и движениях, он умел, как солдат, замирать навтыжку перед вышестоящим, но когда он шагал, его походка, редкостная четкость каждого жеста свидетельствовали о том, как ему вольготно, сколько в нем уверенности, живой силы духа и воли. О таком человеке пословица говорит, что он умеет «поймать удачу за хвост» — грубоватое выражение, зато в немногих словах схвачена самая суть.

На Строгове был элегантный мундир, похожий на полевую униформу офицера конных егерей: сапоги со шпорами, панталоны в обтяжку, но не так туго, как лосины, гусарская венгерка, отороченная мехом и украшенная по темному фону желтыми сутажками. Георгиевский крест и несколько медалей сверкали на его широкой груди.

Михаил Строгов принадлежал к особому корпусу царских курьеров — элитному подразделению, в котором имел чин офицера. По его манере держаться, по лицу, по общему впечатлению от его персоны очень ясно чувствовалось (и царь не преминул это заметить), что это бравый служака, созданный, чтобы исполнять приказы. Таким образом, он был в избытке наделен одним из особенно ценимых на Руси достоинств, которое, по замечанию знаменитого романиста Тургенева, может возвести своего обладателя на самые высокие ступени имперской карьерной лестницы.

И действительно, ежели смертный способен довести до успешного конца путешествие из Москвы в Иркутск через бескрайние пространства, наводненные захватчиками, преодолеть все мыслимые препятствия, вынести все испытания, подстерегающие его, этот смертный не кто иной, как Михаил Строгов.

К тому же было одно обстоятельство, весьма благоприятное для победного завершения его планов: Михаил Строгов великолепно знал край, который должен был пересечь, владел местными наречиями — не только потому, что уже бывал там, но и потому, что родился в Сибири.

СОДЕРЖАНИЕ

*Михаил Строгов,
или Путешествие из Москвы в Иркутск*

Часть первая

Глава I. Бал в Кремле	7
Глава II. Нашествие	19
Глава III. Михаил Строгов	30
Глава IV. Из Москвы в Нижний Новгород	38
Глава V. Распоряжение из двух пунктов	54
Глава VI. Брат и сестра	67
Глава VII. Вниз по Волге	75
Глава VIII. Вверх по Каме	86
Глава IX. День и ночь в тарантасе	96
Глава X. Гроза в Уральских горах	106
Глава XI. Путники в беде	117
Глава XII. Провокация	130
Глава XIII. Долг превыше всего	145
Глава XIV. Мать и сын	155
Глава XV. Барабинское болото	167
Глава XVI. Последнее усилие	179
Глава XVII. Стихи и песни	191

Часть вторая

Глава I. В лагере неприятеля	203
Глава II. Образ действий Альсида Жоливе	215

Глава III. Ответный удар	232
Глава IV. Триумфальный въезд.	245
Глава V. Смотри, смотри во все глаза!	256
Глава VI. Друг, обретенный в пути	266
Глава VII. Переправа через Енисей	278
Глава VIII. Заяц, перебежавший дорогу.. . . .	290
Глава IX. В степи	304
Глава X. Байкал и Ангара	316
Глава XI. Между двумя берегами	328
Глава XII. Иркутск	340
Глава XIII. Посланец государя	351
Глава XIV. Ночь с пятого на шестое октября	362
Глава XV. Заключение	374

Літературно-художнє видання

Серія «Жуль Верн»

ВЕРН Жуль
Міхайл Строгов
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 21.04.2020.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 20,16.
Наклад 2500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

Серия «Жюль Верн»

ВЕРН Жюль
Михаил Строгов
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 21.04.2020.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 2500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Верн Ж.

В35 Михаил Строгов : роман / Жюль Верн ; пер. с фр. И. В. Васюченко, Г. Р. Зингера. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 384 с. — (Серия «Жюль Верн», ISBN 978-617-12-7086-2)

ISBN 978-617-12-7922-3

УДК 821.133.1